

ОЛДОС ХАКСЛИ

ЭТИ ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44
Х16

Серия «Эксклюзивная классика»

Aldous Huxley
THOSE BARREN LEAVES

Перевод с английского *И. Моничева*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения Aldous and Laura Huxley Literary Trust,
наследников автора и литературных агентств
Georges Borchardt, Inc. и Andrew Nurnberg.

Хаксли, Олдос.

Х16 Эти опавшие листья [роман] / Олдос Хаксли; [пер.
с англ. И. Моничева]. — Москва : Издательство АСТ,
2019. — 512 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-112675-9

Роман Олдоса Хаксли «Эти опавшие листья» (названием для которого послужила строка из классического стихотворения Вордсворта) стилистически продолжает цикл книг этого выдающегося писателя о «потерянном поколении» британских интеллектуалов.

Богатая вдова-меценатка пытается возродить на итальянской вилле традицию легендарных артистических салонов эпохи Возрождения — однако ни поэт, вынужденный подрабатывать редактором бульварной газетенки, ни бойкая писательница, крутящая роман с остроумным шеголем, ни тем более стареющий философ, под шумок охотящийся за приданным дурочки-наследницы, очевидно не способны претендовать на новых Боккаччо и новых да Винчи.

Однако Хаксли не был бы самим собой, если бы этот легкомысленный, в общем, сюжет не превратился под его пером в блистательное произведение искусства — произведение умное и тонкое, в котором язвительная сатира сочетается с глубокой философией.

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

© Aldous Huxley, 1925
© Перевод. И. Моничев, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Часть I

Вечер у миссис Олдуинкл

Глава I

Маленький городок Вецца расположен у слияния двух потоков, которые спускаются к нему с двух глубоких лощин с Апуанских Альп. Бурные потоки, еще не забыв о своем горном происхождении, сходятся в речку, несущуюся через весь город. Тишину в Вецце нарушает непрерывный шум бегущей воды. Но затем постепенно небольшая река меняет свой нор; долина расширяется, возвышенности остаются позади, и она становится плавной и ровной, как канал в Голландии, тихо скользит между прибрежных лугов и впадает в не знающее приливов и отливов Средиземное море.

Над самой же Веццей возвышается мощный и крутой холм, торчащий словно клин, вбитый между двумя лощинами. А почти у самого гребня холма посреди рощи падубов и изящных кипарисов, темнеющих пирамидами среди зарослей дымчатых олив, стоит огромный особняк. Величественный фасад шириной в двадцать окон смотрит сверху вниз на городок сквозь террасы кипарисов и оливковых

деревьев. Позади и дальше этого фасада можно разглядеть разнообразные строения, лепящиеся еще выше по склонам холма. И господствующее положение здесь занимает высокая, но стройная башня, вершину которой на итальянский манер венчает квадрат навесных бойниц. Вместе этот комплекс сооружений составляет бывший летний дворец семьи Чибо-Маласпина, в прежние времена князей Массы и Каррары, герцогов Веццанских, а также маркизов, графов и баронов всех селений и деревень.

Крутая дорожка ведет из Веццы к дворцу Чибо-Маласпина, взгромоздившемуся над городом. Итальянское солнце может палить немилосердно даже в сентябре, а оливы дают слишком мало тени, чтобы в ней укрыться. Молодой человек в фуражке с кожаной сумкой через плечо медленно и устало продвигался вверх на велосипеде. Он часто делал остановки, вытирал пот с лица и тяжело вздыхал. Будь проклят тот день, думал он, черный-пречерный день для почтальонов из Веццы, когда эта полоумная старая англичанка с непроизносимой фамилией купила особняк; но еще более мрачные дни наступили, когда ей вздумалось приехать и поселиться в нем. В былые годы место почти пустовало. Пара крестьянских семей обосновались во вспомогательных постройках. В лучшем случае на обе приходилось одно письмо в месяц, а что до телеграмм — сказать по правде, молодой человек и не помнил ни одной, которую бы прислали туда. Но счастливая пора осталась в прошлом, и теперь что с письмами, что с пачками газет и бандеролями, что с телеграммами и «молниями» не было дня, когда кому-то с почты

не приходилось одолевать жуткий подъем к треклятому особняку.

Верно, продолжал свои размышления молодой человек, ты получаешь неплохие чаевые за доставку телеграммы или срочного письма. Однако, будучи мужчиной здравомыслящим, если возникал выбор между покоем и деньгами, он всегда предпочитал ничего не делать. Расход потраченной энергии невозможно компенсировать тремя франками, которые он получит в конце восхождения. Деньги не дают удовлетворения, если тебе приходится зарабатывать их тяжким трудом. У того, кто зарабатывает, не остается времени тратить.

Идеальным случаем, отметил он, поправляя фуражку, было бы сорвать большой приз лотереи. Получить действительно крупный выигрыш.

Он вынул из кармана тощенькую газетенку, которую нынче утром всучил ему нищий в обмен на подаяние в пару сольди. Она состояла из рифмованных пророчеств удачи для покупателя газеты. И какой удачи! Нищенская газетка была щедра на посулы. Он женится на даме своего сердца, заведет двоих детишек, станет одним из самых процветающих торговцев в городе и доживет до восьмидесяти трех лет. В подобные предсказания он не верил. Только самый последний стишок — причем он сам не сумел бы объяснить почему — показался ему достойным серьезного отношения. В финальном четверостишии заключался конкретный и нужный совет.

Мы подскажем вам цифры заветные,
И взамен ничего не попросим.
Победят в «Лотто» семь и шестнадцать.
И в придачу к ним — пятьдесят восемь.

Он перечитал эти вирши несколько раз, запомнив наизусть, затем сложил газету и снова убрал в карман. Семь, шестнадцать и пятьдесят восемь — в этих числах ему поистине виделось нечто притягательное.

Победят в «Лотто» семь и шестнадцать.
И в придачу к ним — пятьдесят восемь.

Он принял твердое решение последовать совету газетного оракула. Это было талисманом, улыбкой слепой удачи: но с тремя номерами ошибиться и не выиграть невозможно. Почтальон задумался, как поступит с выигрышем. Но только успел выбрать марку машины, которую купит, — новая «Лянчия 14–40» элегантнее «фиата» и намного дешевле (а он сохранял здравый смысл и привычку экономить, даже объятый мечтами о несметном богатстве), чем «изотта-фраскини» или «наццаро», — когда оказался у подножия ступеней, тянувшихся к дверям дворца. Прислонив велосипед к стене и глубоко вздохнув, позвонил в колокольчик. На сей раз дворецкий дал ему два франка вместо обычных трех. Что ж, такова жизнь, решил он, скатываясь вниз через рощу серебристых олив в сторону долины.

Телеграмма была адресована миссис Олдуинкл, но в отсутствие хозяйки дома, которая уехала с другими гостями в Марина-ди-Вецца, чтобы провести день на пляже, дворецкий вручил послание мисс Триплау.

Мисс Триплау сидела в маленькой и темной готической комнате, расположенной в самой древней части дворца, и на пишущей машинке «Корона» трудилась над композицией четырнадцатой главы сво-

его нового романа. Она была в платье из набивного хлопка в крупную синюю клетку на белом фоне, что немного напоминало шотландку, очень высокое в талии, но просторное и длинное внизу. Платье немного старомодное и все-таки новое, похожее на наряд школьницы, но смелое. В таком не стыдно появиться и в Челси. Лицо, повернутое в сторону вошедшего в комнату дворецкого, отличалось нежностью кожи, бледностью и округлостью формы — при столь гладком и круглом личике ей никто бы не дал ее тридцати лет. Черты лица мелкие и правильные, темно-карие глаза, изогнутые брови над ними выглядели так, словно их нанесли восточной кистью на фарфоровую маску. Почти черные волосы она гладко зачесывала со лба назад, собирая в пышный пучок на затылке. Уши тоже были белые и очень маленькие. В целом лицо казалось не слишком выразительным, как лицо куклы, но при этом весьма интеллигентной куклы.

Она взяла телеграмму и вскрыла ее.

— Это от мистера Кэлами, — объяснила она дворецкому. — Он сообщает, что прибудет поездом в три двадцать и поднимется сюда пешком. Вам следует подготовить комнату для него.

Дворецкий удалился. Вместо того чтобы вернуться к своей работе, мисс Триплау откинулась в кресле и прикурила сигарету.

В четыре часа после сiestы мисс Триплау спустилась вниз уже не в сине-белом утреннем платье, а в своем лучшем послеполуденном одеянии — платье из черного шелка, отороченном белыми кантами по оборкам. Ее жемчуга на темном фоне смотрелись особенно выигранно. Жемчужные серьги украшали

и ее бледные маленькие уши; пальцы обильно покрывали кольца. После всего того, что она слышала о Кэлами от хозяйки дома, подобные приготовления показались ей необходимыми, и оставалось лишь радоваться, что его неожиданный приезд даст возможность познакомиться с ним наедине. Одной ей будет проще произвести на него то правильное и благоприятное первое впечатление, которое всегда важно.

Помня слова миссис Олдуинкл, мисс Триплау тешила себя иллюзией, что она хорошо представляет подобный сорт мужчин. Богатый, красивый, а уж какой ловелас! Миссис Олдуинкл, разумеется, охотно, подробно и даже с восхищением остановилась именно на данной черте его характера. Многие известные красавицы охотились на него; он был всегда желанным гостем в лучших домах, где принимали только избранных. Но его нельзя отнести к категории столь распространенных легкомысленных светских мотыльков, настаивала миссис Олдуинкл. Напротив, он был интеллектуалом, человеком глубоко серьезным, интересовавшимся искусством. Более того, на пике своего успеха покинул Лондон и отправился странствовать по свету, чтобы еще больше обогатить свой ум. Да, Кэлами был, видимо, мужчиной исключительно серьезным. Но все же мисс Триплау отнеслась к ее словам не без скептицизма. Она знала о слабости миссис Олдуинкл к знаменитостям, о ее стремлении сойтись на короткой ноге с великими, что породило привычку за неимением рядом с собой действительно выдающихся личностей возводить в этот ранг порой своих самых заурядных знакомых. Убавив процентов семьдесят пять из восхвалений миссис Олдуинкл, она

вообразила Кэлами как одного из носителей природного дара, озаренного свыше. Трепетное благоговение перед таинствами искусства заставляет таких аристократов-самоучек посещать салоны, где собираются лучшие умы современности, приглашать поэтов поужинать с ними в самых дорогих ресторанах, покупать полотна кубистов, а подчас подвигает даже на то, чтобы втайне писать самим стихи или заниматься живописью. Да, думала мисс Триплау, подобный тип людей ей хорошо знаком. Вот почему она тщательно приготовилась, облачилась в это платье, шедевр из черного шелка, нацепила жемчуга и кольца; и с той же целью одновременно напустила на себя дерзкие манеры, свойственные блестящим, загадочным, высокородным молодым женщинам, среди которых, если верить миссис Олдуинкл, он и добился своих самых выдающихся амурных триумфов. Мисс Триплау не хотела быть обязанной своему успеху у этого молодого человека тому факту, что она была писательницей с прекрасной репутацией. Поскольку мисс Триплау отнесла его к носителям природного дара, питающего нежданную слабость к творцам, ей хотелось предстать перед ним такой же носительницей природного дара, случайно наделенной талантом писать нечто популярное в силу лишь прихоти. Ей не терпелось показать Кэлами, что она полностью соответствует привычному для него светскому уровню, хотя когда-то была очень бедна и даже опустилась до работы гувернанткой. Хорошо зная хозяйку дома, мисс Триплау не сомневалась, что миссис Олдуинкл непременно поделилась с ним этой информацией. Она встретится с ним на равных. А уже потом, когда он оценит ее

природный дар, они перейдут непосредственно к ее творчеству, и он сможет лишь восхититься, что она великолепный литературный стилист, а не просто умная молодая женщина, на законных основаниях принадлежащая к его кругу.

Первый же взгляд на него убедил ее, что она поступила правильно, надев на себя все драгоценности и придав смелости своим манерам. Потому что дворецкий ввел в гостиную одного из тех молодых людей, которые на обложках иллюстрированных журналов сливались в поцелуе алых губ с холеными молодыми красавицами. Впрочем, нет, такой вывод был не совсем справедлив. Мистер Кэлами выглядел не таким уж привлекательным и, если уж на то пошло, глуповатым. Он скорее казался одним из тех чертовски приятных, хорошо воспитанных, но плохо образованных молодых созданий, общение с которыми иногда освежает после чрезмерно долгого времени, проведенного в обществе высоколобых. Русоволосый, голубоглазый, высокий, с намеком на военную выправку. Пугающе аристократичный и обладающий всеми приметами той прославленной уверенности в себе, какую порождает происхождение из богатой семьи, обеспеченное будущее и привилегированное положение в обществе. Возможно, чуть излишне наглый в осознании своей внешней привлекательности и от избалованности прежними любовными победами. Но даже в высокомерии ощущалась лень; жареные перепелки сами попадали ему в рот; с его стороны не требовалось никаких усилий. Его веки постоянно смыкались, словно от сонной скуки баловня судьбы. Мисс Триплау поняла о нем все с первого взгляда.

Он стоял перед ней, глядя сверху вниз на ее лицо, улыбался, и хотя брови вопросительно взлетели вверх, в этом не было ни тени смущения. Мисс Триплау ответила ему столь же небрежным взглядом. Она умела изображать высокомерие, когда ей хотелось.

— Вы — мистер Кэлами, — произнесла она после паузы.

Он ответил легким наклоном головы.

— А меня зовут Мэри Триплау. Все остальные уехали. Так что мне придется развлекать вас самой.

Он кивнул и дотронулся до ее протянутой руки.

— Наслышан о вас от Лилиан Олдуинкл.

«И о том, как я работала гувернанткой?» — мелькнула мысль у мисс Триплау.

— И от многих других людей, — продолжил мистер Кэлами. — Не говоря уже о ваших книгах.

— Давайте не будем о них, — нарочито легко отмахнулась она от темы. — Прежние книги теряют всякое значение — они не так уж важны, потому что написаны кем-то, кого уже не существует. Пусть мертвые сами хоронят своих мертвецов. Единственная книга, какую можно принимать в расчет, та, что сочиняется сейчас. А к тому времени, когда она будет опубликована и ее начнут читать чужие люди, она тоже потеряет значение. А потому для меня не существует моих книг, которые мне было бы приятно обсуждать. — Мисс Триплау говорила томно, немного растягивая каждое слово и глядя на Кэлами прищурившись. — Лучше побеседуем о чем-нибудь более интересном, — закончила она.

— О погоде?

— Почему бы и нет?

— Что ж, между прочим, это тема, — сказал Кэлами, — о которой я в данный момент могу говорить с подлинным интересом. Если хотите, с огромной теплотой. — Он вынул пестрый шелковый носовой платок и протер лицо. — Через такой ад, как эти пыльные равнинные дороги, мне не доводилось ходить никогда. Признаюсь, под невыносимым итальянским зноем я начинаю тосковать по лондонской сырости, по солнцезащитному зонтику из смога, по дымке, из-за которой не видно угла дома в ста ярдах от тебя, и по той своего рода москитной сетке в воздухе, скрывающей любую городскую пейзаж.

— Помню, однажды я познакомилась с одним сицилийским поэтом, — произнесла мисс Триплау, придумав никогда не существовавшего потомка Феокрита, — который говорил то же самое. Только ему больше нравился Манчестер! — Она закатила глаза и свела ладони вместе с легким хлопком. — Он был одним из тех существ, каких часто можно встретить в зверинце леди Трунион.

Ей вовремя вспомнилось одно из имен, которые хорошо упомянуть как бы невзначай. Леди Трунион прославилась тем, что собирала у себя салон, где носители и носительницы природного дара имели возможность повстречать разнообразных забавных и экзотичных представителей мира искусства. А употребив слово «зверинец», мисс Триплау как бы сразу поставила их с Кэлами в общий ряд, по одну сторону разделительного барьера.

Однако эффект, который произвела на Кэлами эта почти культовая фамилия, оказался иным.

— Эта жуткая женщина все еще продолжает свои манипуляции? — спросил он. — Должен вам напо-

мнить, что я путешествовал целый год и немного отстал от хроники событий.

Мисс Триплау мгновенно изменила выражение лица, как и тональность голоса. Улыбаясь с презрением посвященной, она заметила:

— Но ведь она ничто в сравнении с леди Гиблет, верно? Чтобы посмотреть на настоящий ужас, нужно побывать у нее. Вот ее дом — воистину *mauvais lieu**. — Она сделала выразительный жест рукой, показывая, что знает, о чем говорит.

Кэлами не согласился с ее оценкой.

— У Гиблет, вероятно, все просто вульгарнее, но не хуже, — произнес он, и по его интонации и мимике мисс Триплау поняла, что он не кривит душой и не может по секрету получать удовольствие от подобной «светской жизни». — После более чем годичного отсутствия, подобного моему, возвращаясь к цивилизации только для того, чтобы обнаружить тех же людей, занятых тем же идиотизмом, как и прежде. Поразительно! Ведь ожидаешь перемен. Очевидно, потому что изменился ты сам. Но у всех все по-прежнему. У этих Гиблет, Трунион и даже у нашей хозяйки, хотя я искренне люблю бедную милую Лилиан. Ни малейших изменений. О, это более чем поразительно — такое порой даже пугает.

И именно в этот момент их беседы мисс Триплау сообразила, что допустила чудовищную ошибку и на всех парусах неслась неверным курсом. Мгновение, и она озвучила бы суждение, какое сделало бы ошибку непоправимой, превратила бы в то, что она еще с беззаботных студенческих времен стала называть «скелетом в шкафу» или воспоминанием, которое

* Злачное место (*фр.*). — *Здесь и далее примеч. пер.*

в будущем не вызывает ничего, кроме стыда. А мисс Триплау очень переживала из-за своих «скелетов в шкафу». Воспоминания непостижимым образом занозами застревают глубоко в душе, наносят раны, которые не заживали. Даже затянувшиеся старые шрамы иногда саднили. Внезапно, без всякого повода, посреди ночи или самой веселой вечеринки, она вдруг могла вспомнить о «скелете» из прошлого, и ее охватывало желание вновь и вновь казнить себя, овладевал мучительный стыд за свой поступок. И против этого не существовало лекарства, не помогали никакие умственные рассуждения. Конечно, в своем воображении ты можешь ретроспективно найти выход из положения, тактичную альтернативу, которая не привела бы к появлению «скелета». Вообразить, например, как шепчешь сестре Фанни слова утешения, а не произносишь злобные, убивающие ее фразы. Или как ты с чувством возмущенного собственного достоинства уходишь из мастерской Бардолфа и попадаешь в грязный переулок, где в окне висит канарейка (какой изысканный образ — канарейка повесилась!), и удаляешься прочь. А на самом деле ты там задержалась и совершила невероятную глупость. Боже, как же скверно было потом на сердце! В общем, воображать можно было что угодно, делать вид, будто никакого «скелета в шкафу» не существовало. Фантазия отчаянно стремилась стереть из памяти навязчивый образ, но только ей никогда не удавалось одержать окончательной и решительной победы над фактами.

Вот и сейчас еще одно неосторожное слово — и в памяти отложился бы новый, неистребимый, болезненный «скелет». «Как могла я быть настолько

тупа? — спрашивала она себя. — Как же я могла?» Потому что ей стало вдруг очевидно, что развязные манеры и модные наряды совершенно не подходили для такого случая. Кэлами, как выяснилось, не ценил ничего подобного. Стоило ей продолжить в том же духе, и он бы списал ее в разряд фривольных светских вертихвосток со склонностью к снобизму. Потребовались бы невероятные усилия и немалый срок, чтобы исправить это самое первое и сильное впечатление.

Неуловимым движением мисс Триплау сдернула с мизинца правой руки кольцо с опалом, подержала его в кулачке, переложила в левую руку, а потом, когда Кэлами отвернулся, запихнула в щель между сиденьем и спинкой обитого лощеной тканью кресла.

— Страх! — воскликнула она. — Да, вот верное определение. Все это действительно повергает в ужас. Чего стоят только великаны-лакеи! — Мисс Триплау вытянула руку над головой. — А какого диаметра там подают клубнику! — Она развела ладони рук (с пальцами, на которых сверкало все еще слишком много колец, как с огорчением отметила она) на фут перед собой. — Бесмысленное любопытство охотников на львов. А рык самих пресловутых львов!

Сейчас ей нечего было изображать руками, и мисс Триплау уронила их между бедер, воспользовавшись заодно случаем избавиться от кольца в виде скарабея и от бриллиантов. И, подобно фокуснику, который отвлекает внимание зрителей, чтобы успеть проделать свой трюк, она резко склонилась вперед и начала говорить быстро и очень искренне: